

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

* * *

Стирая события и лица,
как ластиком, тропкой лесной,
я шёл, и болотная птица
рыдала вдали надо мной.
Летела в лицо паутина,
и брюки мои на ходу
хлестала лесная малина –
любимая ягода сына
ещё в позапрошлом году.
Я очень хотел заблудиться,
по жизни пройти стороной,
стирая события и лица,
как ластиком, тропкой лесной.
Но если идти наудачу,
судьбе предоставив маршрут,
то вечно выходишь на дачу,
на эту дурацкую дачу,
чужую, холодную дачу,
где ценят лишь каторжный труд...

* * *

Кровь по венам тащится,
как солдат до части.
Смерть моя тарашится
на меня с запястий.
Что-то там пульсирует
по пути в ладонь...
Жизнь моя вальсирует
под твою гармонь.
Шаткая идиллия,
смертная печаль...
Помнят сухожилия
бритвенную сталь.
Жизнь моя вальсирует
у твоих ворот,
где трамвай курсирует
носом в поворот.
Буфера скрипучие,
видя данный факт,
по такому случаю
отбивают такт.
Светофор трассирует
красным вдалеке.
Жизнь моя вальсирует
бритвой по руке.
Кровь по венам тащится,
как на дело вор.
Смерть моя тарашится
на меня в упор.
Во дворе грассирует
твой сосед-еврей.
Жизнь моя вальсирует
у твоих дверей...

НА РУБЕЖЕ...

Чёрный вечер. Белый снег.
Фонари. Аптека.
Позади – XX век –
сырый век-калека.
Он в отчаянье своём
(от того, что краток)
грозно целит костылём
мне промеж лопаток.
Я шепчу себе: «Не трусь.
Он прошёл. Он сгинул».
Вру. По-прежнему боюсь.
Жду удара в спину...

СТРАННИК

А. Пошехонову

Никого, ничего, только ветер и пыль,
только громко скрипит деревянный костыль,
только пот по щекам, только дрожь по рукам
и неровной волной седина по вискам.
Никого, ничего, только призрачный путь
по дороге, где не с кем друзей помянуть.
Потому что друзья растворились вдали
и ушли по пыли далеко от Земли.
Я бы тоже ушёл, да не вышел мой срок
досчитать до конца километры дорог.
Очарованный странник, дошедший до звёзд,
всё никак не найдёт себе тихий погост.
Ни креста, ни листа, что накроет уста –
лишь гнилые пролёты большого моста.
Мне ещё предстоит разминуться с трудом
на мосту не с Хароном, а с Вечным Жидом.
Мы друг другу в глаза поглядим в сотый раз,
совершим на мосту мусульманский намаз,
потому что давно в этих пыльных краях
Иегова с Иисусом зовутся Аллах.
И опять разойдёмся по нашим путям,
не давая покоя усталым костям –
два печальных изгоя заоблачных сфер:
очарованный странник и жид Агасфер.
И опять никого – только серая пыль,
только громко скрипит деревянный костыль,
только пот на щеках, только ветер в руках
и ехидный божественный смех в облаках.
Я теряюсь навечно в дорожной пыли –
очарованный странник российской земли.
И скрипит мой костыль, и крепчает печаль.
И не так уж она очарована – даль...